

Ци Фэйжань смотрел на него, и его сердце постепенно погружалось в пучину. Завоевать расположение человека с таким твёрдым характером и сильной волей было долгой и трудной задачей, но чистота и упрямство Линь Шисиня только усиливали его желание покорить его. Он не собирался сдаваться.

— Говори, выбор жить в общежитии и уйти от меня — это первый шаг. Что ещё ты планируешь сделать? — Ци Фэйжань, видя, что Линь Шисинь явно что-то замышляет, решил не ждать, пока тот нанесёт удар исподтишка, а спросить напрямую.

Линь Шисинь задумчиво повернулся к нему, слегка отступил назад и вырвался из объятий Ци Фэйжана.

— Выгнать тебя из литературного кружка и заставить перевестись в другую школу, — сказал он.

Ци Фэйжань усмехнулся:

— Вряд ли получится. Мои поклонницы из кружка тебя не простят. И я не собираюсь переводиться ни в другой класс, ни в другую школу. Я уже выпускник, и смена обстановки может повлиять на мои результаты. Будь хоть немного справедливым.

Линь Шисинь удивился, что, проспав и сбив температуру, Ци Фэйжань снова стал наглеть, хотя раньше говорил, что будет делать всё, что тот скажет!

— Тогда сдавайся, ты же знаешь, что у нас ничего не выйдет, — сказал Линь Шисинь.

— Продолжать или сдать — это не моё решение, — ответил Ци Фэйжань, глядя на уличный фонарь за окном. — Многие вещи не такие, какими кажутся. Вот смотри на этот столб. Он выглядит прямым, но на самом деле это не так.

Линь Шисинь тоже повернулся к столбу.

— Ха, чтобы он изогнулся, его нужно сломать.

Ци Фэйжань снова засверкал глазами, угрожающе глядя на Линь Шисиня.

— Я сейчас уйду домой. Ты что, собираешься заставить меня драться с тобой, чтобы отпустить? — нахмурился Линь Шисинь.

— Я уже сказал, что слишком поздно, ты никуда не уйдёшь. К тому же ты всё равно не сможешь меня победить, — взгляд Ци Фэйжана стал ещё более хищным.

— Я несовершеннолетний, — выпалил Линь Шисинь и тут же пожалел об этом. Что это вообще за аргумент? Как будто совершеннолетие что-то изменит!

Ци Фэйжань действительно рассмеялся, его плечи слегка тряслись. Он указал на дверь:

— В той комнате можно запереться. Иди, малыш.

Линь Шисинь почувствовал, как его лицо загорелось. Он быстро направился в гостевую спальню, захлопнув за собой дверь.

Ци Фэйжань ждал звука щелчка замка, и через несколько секунд он услышал его. Он тихо улыбнулся.

Гостевая комната была пустой. Высокие холодно-серые стены под светом оранжевой люстры не выглядели уютными. Ковёр был в чёрно-белую клетку, а тяжёлые шторы, не до конца закрытые, отбрасывали тёмные тени. Стол с механическим дизайном был совершенно пуст.

К счастью, там была кровать с матрасом. В комнате также была ванная с туалетом, где лежали нераспечатанные туалетные принадлежности, как в отеле. Когда Линь Шисинь открыл кран, из трубы сначала послышался шум, и только потом потекла вода. Очевидно, эта комната никогда не использовалась.

Линь Шисинь почистил зубы, умылся и вышел, когда услышал, как на потолке что-то включилось, и на него подул тёплый воздух. Видимо, Ци Фэйжань включил центральное отопление. Линь Шисинь открыл шкаф и нашёл одеяло, вероятно, оставшееся от предыдущего пребывания Ци Фэйжана. Сегодня в его спальне лежало одеяло, которое Линь Шисинь подарил ему раньше.

Одеяло было толстым, и, укутавшись в него, Линь Шисинь почувствовал запах мужского пота, смешанный с ароматом дерева из шкафа, очень похожий на тот, что исходил от объятий Ци Фэйжана. Линь Шисинь вспомнил, как в первый день переезда в жилой комплекс «Сад века» Ци Фэйжань жаловался, что у него ничего нет. Тогда он поверил его жалобам, но теперь понял, что это была лишь уловка. Линь Шисинь ругал себя в душе за наивность.

Этой ночью оба лежали, погружённые в свои мысли, и только утром, уже поздно, встали и вместе пошли в школу. Пройдя меньше десяти минут, они увидели здание школы.

— Удобно жить у меня, правда? — спросил Ци Фэйжань. — На самом деле, чтобы сэкономить время...

Он не успел закончить, как Линь Шисинь бросил на него сердитый взгляд.

После первого снега до Рождества оставалось совсем немного. У входа в школу в магазине канцтоваров уже играла мелодия Jingle Bells, витрины были украшены изображениями Санта-Клауса и снежинками, а на улице продавали яблоки и апельсины, завёрнутые в яркую упаковку.

— Зачем так упаковывать фрукты? — удивлённо спросил Ци Фэйжань, глядя на это.

Линь Шисинь, выбирая продукты, сдержанно улыбнулся:

— Ты не понимаешь, это наша национальная традиция отмечать Сочельник.

— Какая традиция?

— Яблоко символизирует пожелание мира, банан — «я скучаю по тебе», а апельсин — «пусть все твои желания сбудутся», — объяснил Линь Шисинь.

— За границей такой традиции нет. И зачем ты покупаешь бананы? — спросил Ци Фэйжань.

— У нас в Китае Рождество так отмечают. Бананы — это чтобы я мог думать о своей возлюбленной. Ты думаешь, только у тебя есть поклонницы? Раньше, когда тебя не было в литературном кружке, всё внимание было сосредоточено на мне.

Вернувшись за парту, Ци Фэйжань с недоумением смотрел на излишне упакованные фрукты на своём столе. Взглянув в сторону, он увидел, что на столе Линь Шисиня, этого «бабочки»,

фруктов было ещё больше. Тот пересчитал их, раздал несколько Ван Далу, который громко радовался, и затем с мешком «яблок мира», «апельсинов мира» и «бананов мира» быстро вышел из класса.

Ци Фэйжань фыркнул и, смахнув все фрукты со своего стола, переложил их на парту нового соседа Пань Вэньцзюня, который с радостью начал их распаковывать.

На вечернем занятии директор Гэ из кафедры китайского языка вызвал Линь Шисиня из класса. Ци Фэйжань поднял голову, посмотрел на него и снова погрузился в учебники. Он тщательно проанализировал разницу в их успеваемости: в последнем экзамене их позиции отличались на 53 места, а баллы — на 64, причём 56 из них приходились на китайский язык.

Во время учёбы за границей Ци Фэйжань всегда получал высшую стипендию. Его успехи в регби, футболе и внеклассной деятельности учитывались в оценках, что значительно помогало ему. Но здесь все решали только цифры на бумаге, и его таланты не находили применения.

«Длинный вздох, чтобы скрыть слёзы, скорблю о тяготах жизни народа.

Хотя я стремлюсь к красоте и свободе, утром меня хвалят, а вечером осуждают.

Если меня осудят за мои добродетели, я всё равно буду следовать своему пути.

Ибо то, что я люблю, стоит того, чтобы умереть за это тысячу раз».

Ци Фэйжань: «...»

Без перевода на современный язык он не смог бы понять ни строчки, лишь по отдельным словам уловил, что автор плачет, собирает цветы и готов умереть за свои идеалы.

...Что за бред.

Хуже того, в этом стихотворении было множество незнакомых иероглифов, которые он даже не мог написать, не говоря уже о том, чтобы прочитать или выучить. Ци Фэйжань вспомнил, как Линь Шисинь, будучи старостой класса по китайскому языку, без запинки и с невероятной скоростью выучил весь текст. Он невольно восхитился им.

А затем его сердце снова забилося чаще.

Как было бы хорошо, если бы он мог посадить его к себе на колени, обнять и заставить переводить и объяснять каждую строчку.

Эта мысль заставила Ци Фэйжаня глубоко вздохнуть. Вчера, воспользовавшись своей болезнью, он поцеловал его шею и щёку. Теплота его кожи и лёгкий аромат цитрусовых едва не свели его с ума.

Всё в Линь Шисине было тем, к чему он стремился. Ци Фэйжань посмотрел на снег за окном и подумал: «Даже если умру тысячу раз, не пожалею».

Директор Гэ, приведя Линь Шисиня в кабинет, сел и с улыбкой посмотрел на него.

— Какие хорошие новости, директор Гэ? — спросил Линь Шисинь с улыбкой.

— Помнишь, я отправлял тебя в Пекин на конкурс в писательскую мастерскую Цзя Ипина? Они снова позвонили, не могут забыть такого талантливого ученика, — сказал директор Гэ.

<http://bllate.org/book/17671/1647118>